
Г. А. Мольков (Санкт-Петербург)

РАЗВИТИЕ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НОВГОРОДСКОГО ПИСЦА ДОМКИ

(на примере оформления флексии творительного падежа единственного числа
в мужском и среднем роде)

Ценность данных орфографии первого почерка Милятина евангелия (далее — МЕ), принадлежащего писцу Домке, состоит в том, что мы, по всей видимости, имеем возможность проследить предысторию формирования орфографической системы данного писца. Согласно гипотезе В. Л. Янина [Янин, с. 52–64], Домка, переписавший часть МЕ, тождествен тому Домке, который участвовал в создании новгородских миней на сентябрь, октябрь и ноябрь 1095–1097 г. Палеографическое и кодикологическое исследование Е. В. Ухановой [Уханова, с. 204–237], а также наблюдения Б. И. Осипова [Осипов, с. 145–158] над языком МЕ подтверждают датировку памятника первой половиной XII в. и его близость по оформлению и отдельным языковым параметрам рукописям миней конца XI в. Все это практически не оставляет сомнений в тождестве писца миней и МЕ. Тем не менее исследователи указывают на определенную временную дистанцию между написанием миней и МЕ. Б. И. Осипов делает предположение, что «между минеями 1095–1096 г. и Милятиным евангелием прошло чуть больше 30 лет — срок, вполне мыслимый для деятельности одного и того же писца» [Осипов, с. 157]. Многочисленные покаянные записи, оставленные Домкой на полях сентябрьской Минеи 1095–1096 г., по замечанию Е. В. Ухановой, говорят о том, что «книга была если не первой, самостоятельно созданной писцом, то одной из первых» [Уханова, с. 224]. Участвуя в переписывании миней 1096 и 1097 г., Домка постепенно накапливает опыт книжного письма. И, наконец, МЕ было написано Домкой, уже имеющим значительный писцовый опыт (возможно, около 30 лет). Эта ситуация позволяет проследить, как соотносятся орфографические навыки одного и того же писца в самом начале его деятельности и в тот период, когда писец уже имеет значительный опыт переписывания.

Показательной, на наш взгляд, является разница в оформлении флексии тв. п. ед. ч. существительных м. р., наблюдаемая в минеях и в МЕ. Данная флексия может рассматриваться при описании состояния редуцированных в языке памятника, а также в морфологическом аспекте — как отражающая процесс смешения древних типов склонения. Но судьба окончания тв. п. ед. ч. в памятниках XI–XII в., вариативность, возможная при его оформлении, в первую очередь требует его интерпретации как элемента орфографической системы писца. По мнению В. М. Живова, этот признак можно отнести к числу основных, позволяющих описывать эволюцию графико-орфографических систем рукописей древнейшего периода [Живов, с. 30]. Данная флексия допускает двойственность оформления не только первого гласного в ней (о/ѡ, е/ѣ), но и второго (ѡ/ѣ). В. М. Марков, описывая последовательность распределения написаний -омѡ/-емѣ в Путятиной минее, определяет ее как архаичную черту, отмечая, что «наличие произносительной мягкости -м- в русском языке способствовало расшатыванию этой искусственной традиции (то есть произнесения твердого [m] в -омѡ. — Г. М.), создавая ту исключительную пестроту показаний документов XI–XII веков, которая отмечается в существующих работах» [Марков, с. 223]. Таким образом, время создания новгородских миней и МЕ приходится на период «исключительной пестроты» в оформлении окончания тв. п.

ед. ч. Последовательное рассмотрение написания данной флексии в минеях 1095–1097 г. и в МЕ показывает, что писец Домка, первоначально бессистемно употреблявший варианты написания окончания, вырабатывает ко времени переписывания МЕ собственную оригинальную систему распределения названных орфографических вариантов.

Общей чертой оформления окончания тв. п. ед. ч. в существительных м. и ср. р. в минеях можно назвать преобладание написаний *-ѣмѣ* / *-ѣмѣ* для всех типов склонений. Другие варианты написания (*-ѣмѣ*, *-ѣмѣ*, *-емѣ* / *-емѣ*, *-омѣ* / *-омѣ*) в отдельных случаях могут использоваться также независимо от типа склонения.

Написание флексии тв. п. ед. ч. вида *-ѣмѣ*, по свидетельству М. И. Корнеевой-Петрулан, в сентябрьской минее 1095 г. преобладает. В описании памятника приведен следующий список примеров: *крѣстѣмѣ* (4 раза), *дѣхѣмѣ*, *моурѣмѣ* (2 раза), *гласѣмѣ* (2 раза), *скѣтѣмѣ* (6 раз), *понасѣмѣ*, *крокѣмѣ*, *парѣстѣмѣ* (3 раза), *дарѣмѣ*, *шоумѣмѣ*, *праздникѣмѣ*, *грѣхѣмѣ* (2 раза), *хладѣмѣ*, *образѣмѣ* (2 раза), *сѣнѣмѣ*, *троудѣмѣ*, *назѣмѣмѣ* (5 раз), *домѣмѣ*, *сѣрѣмѣ*, *разоумѣмѣ*, *китѣмѣ*, *законѣмѣ*, *млѣкѣмѣ* (2 раза), *тѣлѣмѣ* (2 раза), *рождѣстѣмѣмѣ* (5 раз), *ходѣтанѣстѣмѣмѣ*, *пикѣмѣ*, *соущѣстѣмѣмѣ* (2 раза), *естѣстѣмѣмѣ* (5 раз), *дрѣкѣмѣ* (2 раза), *числѣмѣ*, *ѣтѣстѣмѣмѣ* (*-ѣмѣ* переделано из *-омѣ*), *ѣрѣцѣмѣмѣ* [Корнеева-Петрулан, с. 16–17]. При этом «только в немногих случаях находим в этой форме (в тв. п. ед. ч. — Г. М.) окончание *-омѣ* и при том в именах мужского рода реже, чем в именах среднего рода: *потомѣ*, *соущѣстѣмѣмѣ*, *ходѣтанѣстѣмѣмѣ*, *естѣстѣмѣмѣ*, *рождѣстѣмѣмѣ* (так! — Г. М.), *кѣличѣстѣмѣмѣ*, *тѣломѣ* (3 раза)» [Корнеева-Петрулан, с. 17]. Приведенные примеры позволяют судить о том, что Домка пользуется написанием *-омѣ* (хотя и непоследовательно — в качестве варианта к основному написанию) почти исключительно в существительных ср. р.

Кроме того, в ряде случаев тв. п. ед. ч. пишется в сентябрьской минее с *ѣ* на конце: «*словѣмѣ*, *прѣркѣмѣ*, *тѣлѣмѣ*, *сѣрдѣмѣмѣ* (так! — Г. М.), *жѣзѣмѣ*, *дарѣмѣ*, *ѣѣнѣцѣмѣмѣ*, *сѣ англѣмѣ*, *сѣ кѣсѣмѣ домѣмѣмѣ* (так! — Г. М.), *сѣ кѣсѣмѣ домѣмѣ*, *докрѣмѣ*, *прѣдѣ стѣпенѣмѣ*, *рождѣстѣмѣмѣ*, *ѣлѣмѣ*, *соудѣмѣмѣ*» [Корнеева-Петрулан, с. 26–27]. Отметим, что среди примеров присутствуют 3 случая написания флексии в виде *-ѣмѣ*. Один из примеров — *прѣдѣ стѣпенѣмѣ* — относится к слову древнего склонения на **ĭ*. В этом случае наблюдается сходство с орфографической системой Домки в МЕ, описываемой ниже.

В целом для минеи 1095 г. можно отметить возможность оформления слов ср. р. тремя вариантами флексии (ср. *тѣлѣмѣ* — *тѣлѣмѣ* — *тѣломѣ*). Некоторые слова м. р. встречаются в двух вариантах написания (ср. *дарѣмѣ* — *дарѣмѣ*). При этом во всех случаях предпочтительным для писца остается «двуеровый» вариант оформления флексии с ерем на конце. Варьирование, судя по примерам М. Корнеевой-Петрулан, может происходить в том или ином слове независимо от его принадлежности к определенному типу древнего склонения.

При описании октябрьской Минееи 1096 г. В. Л. Комарович также отмечает преобладание «русских» окончаний для тв. п. ед. ч. в словах древнего склонения на **ǫ* / **jǫ*. Лишь в 3 случаях писец пользуется для тв. п. ед. ч. окончанием *-омѣ*: *сѣ женихѣмѣ*, *сконѣстѣмѣмѣ*, *назѣмѣмѣ* [Комарович, с. 39]. При просмотре первых 50 листов памятника по изданию [Ягич] нам удалось выявить еще 1 пример использования «болгарского» окончания в слове склонения на **ĭ*: *огнемѣ* (Л. 40 об). Как можно видеть из этих примеров, Домка в Минее 1096 г. «болгарскими» окончаниями пользуется лишь изредка, при этом их употребление не связано с категорией рода или древним типом склонения. Таким образом, можно сказать, что писец отказывается от данной орфографической стратегии, намечавшейся в Минее 1095 г.

Варьирование *ѣ* / *ѣ* на конце представлено в Минее 1096 г. в большей степени. На первые 50 листов приходится, по нашим наблюдениям, 7 таких примеров (все — склонения на **ǫ* / **jǫ*)

из 190 отмеченных употреблений тв. п. ед. ч. (около 3,6 %): *коницама* (Л. 5 об.), *крѣтѣма* (Л. 8 об.), *некѣдѣнѣма* (Л. 9), *рождѣтѣма* (Л. 15), *зракъма* (Л. 32 об.), *мечѣма* (2 раза, л. 40 об.).

Для дальнейшего описания важно также отметить, что в Минее 1096 г. в нескольких примерах представлена флексия дат. п. мн. ч., совпадающая с вариантами флексии тв. п. ед. ч.: *рабама* (Л. 4), *чинома* (Л. 7), *пракилома* (Л. 8 об.), *отрокъма* (Л. 16 об.), *подкигѣма* (Л. 31 об.). В. Л. Комарович говорит о смешении конечного *ѣ/а* в тв. п. ед. ч. / дат. п. мн. ч. [Комарович, с. 32]. Но, как показывают наши наблюдения, незначительный процент примеров с *ѣ* на конце в тв. п. ед. ч. и, наоборот, с *а* на конце в дат. п. мн. ч. вряд ли позволяет говорить о «смешении» *ѣ/а* и рассматривать данные написания с фонетической точки зрения. Варьирование *ѣ/а* на конце в тв. п. ед. ч. может объясняться влиянием южнославянской орфографии. Предпочтительное написание с *а* в тв. п. ед. ч. (около 96 % на первых 50 листах), очевидно, поддерживается произношением писца и потому является основным. В еще более редком написании *а* на конце в дат. п. мн. ч. скорее следует видеть описки.

В создании ноябрьской Минее 1097 г. Домка участвовал вместе с писцом Михаилом и переписал отрывок на л. 37 об.—38 и часть текста на л. 108 об.—174 об. [Уханова, с. 223]. Данные по оформлению флексии тв. п. ед. ч. в этом памятнике представляют значительный интерес на фоне описанных выше. Примерно с такой же частотностью, как и в сентябрьской и октябрьской минеях, в Минее 1097 г., по данным С. П. Обнорского, происходит мена конечного *а > ѣ*: *разоумѣма* (Л. 109 об., 172), *чоудѣма* (Л. 118, 118 об.), *промѣслама* (Л. 111 об.), *разоумѣма* (Л. 138 об.), *рабама* (Л. 170), *скѣтѣма* (Л. 172), *сѣрпама* (Л. 113 об.), *сѣрпама* (Л. 172 об.), *огнама* (Л. 162) [Обнорский, с. 193].

Основное отличие от предшествующей по времени написания октябрьской минее состоит в оформлении первого гласного в интересующей нас флексии. Напомним, что в Минее 1096 г. Домка фактически отказывается от «болгарских» окончаний *-ома* и *-ема* (4 примера на весь памятник). В Минее 1097 г. Домка использует написание *-ема* (не после основы на *-j*) только 1 раз (*мечема* — л. 145 об.). Зато *-ома* используется, по нашим наблюдениям по изданию И. В. Ягича, 11 раз: *скѣтома* (Л. 108 об., 153 об., 172 об.), *прѣдѣ когома*, *сѣстѣкома* (Л. 110 об.), *зрачалома* (Л. 112), *рождѣтома* (Л. 135, 165), *кѣстѣтома* (Л. 148 об.), *пространѣтома* (Л. 160 об.), *ходѣтанѣтома* (Л. 162). Один раз также этот вариант написания используется в прилагательном (*бооугоднома* — л. 140) и 2 раза — в причастии (*испащренома* — л. 155 об., *оумѣрѣненома* — л. 165). Таким образом, Домка не стал устранять из своей орфографической системы «болгарские» написания: почти не употребляя их в Минее 1096 г., он возвращается к их использованию через год примерно с той же частотностью, которая описана выше в сентябрьской Минее 1095–1096 г. При этом, если в сентябрьской минее *-ома* применяется более упорядоченно (преимущественно в словах ср. р.), то в ноябрьской такой закрепленности уже не наблюдается. «Болгарский» вариант оставляется Домкой лишь как графический дублет «русского», очевидно, с целью придания более книжного характера своей орфографической системе. Начинаящий писец не решается отказаться от авторитетного книжного варианта написания, хотя и не применяет его последовательно. О колебаниях Домки при выборе того или иного варианта флексии свидетельствуют 3 примера, когда в Минее 1097 г. во флексии тв. п. ед. ч. буква *о* исправляется самим Домкой на *ѣ*: *скѣтѣма* (Л. 112), *сѣрахама* (Л. 132) и *разоумѣма* (Л. 170) [Ягич, с. 406, 439, 498]. Можно отметить, что все 3 слова м. р.

Подводя итог рассмотрению орфографии флексий тв. п. ед. ч. в минеях конца XI в., отметим важную для сопоставления с материалом МЕ особенность их функционирования.

«Болгарские» варианты используются как дублиеты для «русских». При их спорадическом применении Домка только в Минее 1095 г. пытается ориентироваться на фактор грамматического рода. Других следов упорядочивания употребления книжных вариантов флексии, по нашим наблюдениям, не представлено.

Данные МЕ показывают, что к моменту написания этого памятника Домка по-прежнему сохраняет «болгарские» варианты в своей орфографии. Но, в отличие от миней, в МЕ он уже пользуется вполне определенным критерием, распределяя по нему варианты написания флексии тв. п. ед. ч.

В части МЕ, переписанной Домкой (далее — МЕ₁), большинство зафиксированных примеров — 167 из 196 форм тв. п. ед. ч. — приходится на слова склонений *й и *ǫ/*jǫ.

Орфографические варианты написания при этом распределяются следующим образом:

1. Окончание -ѣмѣ зафиксировано 38 раз, при этом -ѣмѣ 8 раз (сѣ/ брѣтѣмѣ (Л. 11в 1–2), маглѣмѣ (Л. 89а 19), сѣ соупдѣрникѣ/мѣ (Л. 103г 8–9), сѣ/тѣмѣ (Л. 107в 23–24), народѣмѣ (Л. 126в 10), прѣдѣ снѣмѣ (Л. 141а 17), дѣрѣ/мѣ (Л. 159а 19–20), надѣ... кѣснѣмѣ (Л. 160б 1) (субстантив)); отметим, что группа написаний с -ѣмѣ лексически не выделяется на фоне написаний с -ѣмѣ, то есть те же слова встречаются и с ерем на конце (например: ма/слѣмѣ (Л. 70в 13–14), сѣтѣ/мѣ (Л. 107в 14–15), сѣ кѣсѣмѣ / народѣмѣ (Л. 144г 25–145а 1)); таким образом, для писца написание -ѣмѣ является менее употребительным дублиетом для -ѣмѣ.

2. Окончание -омѣ зафиксировано 24 раза (слокомѣ (Л. 23в 21, 24б 8, 91а 9, 157б 2), сѣ/..исакомѣ (Л. 24в 7–8), слоу/хомѣ (Л. 32б 7–8), окомѣ (Л. 43в 7), страхо/мѣ (Л. 66б 24–66в 1), тѣломѣ (Л. 69в 5, 126в 11), дѣхомѣ (Л. 79г 6), дѣна/коломѣ (Л. 79г 8–9), страхомѣ (Л. 82а 6), сло/комѣ (Л. 129в 11–12), дѣхо/мѣ (Л. 130г 7–8), прѣрко/мѣ (Л. 132г 3–4), мѣромѣ (Л. 151а 18), оуѣроу/сомѣ (Л. 152г 7–8), прѣрко/мѣ (Л. 153а 9), оплотомѣ (Л. 155б 5), прѣрко/мѣ даниломѣ (Л. 156б 13–14), злато/мѣ (Л. 159а 11–12), прѣстоломѣ (Л. 159б 8)), при этом -омѣ 6 раз (тѣломѣ (Л. 20в 12), прѣрко/мѣ (Л. 23г 3, 33г 18), народомѣ (Л. 94г 2), сѣ/ единѣмѣ шкомѣ (Л. 124а 3–4), оплотомѣ (Л. 128б 13)). При сопоставлении приведенных примеров с окончаниями -омѣ и -омѣ заметна та же их дублиетность, что мы наблюдали для пары -ѣмѣ/-ѣмѣ. Сходство дополняется тем, что дублиет с ѣ менее активен, чем дублиет с ѣ. Напротив, различие двух этих пар окончаний находится в плане лексики: все лексемы, представленные с окончанием -омѣ/-омѣ, не встречаются в МЕ₁ с «двуеровым» окончанием за исключением единичных случаев, требующих отдельного комментария. Во-первых, форма дѣхомѣ (Л. 79г 6 и 130г 7–8) пишется также 10 раз в виде дѣхмѣ, 3 раза в виде дѣхѣмѣ и 1 раз как дѣхѣмѣ. И во-вторых, это пример народомѣ (Л. 94г 2), при том, что флексия тв. п. данной лексики оформлена в МЕ₁ по 1 разу как -ѣмѣ и как -ѣмѣ.

Среди остальных 27 примеров при дальнейшем рассмотрении возможно выделить некоторые группы лексем. 10 из них относятся к лексемам, перешедшим в новый тип склонения из *es-склонения (слокомѣ, окомѣ, тѣломѣ). Для полноты описания важно указать, что через гласный полного образования пишется в 3 примерах флексия тв. п. ед. ч. слова того же древнего типа склонения, которое в отличие от перечисленных, сохраняет приращение в основе: нѣсѣемѣ (Л. 12б 13 и 159б 17), тѣлѣсѣемѣ (Л. 14а 7–8). Очевидно, Домка пользуется исконными окончаниями тв. п. ед. ч. склонения *ǫ/*jǫ для того, чтобы выделять орфографически тип склонения на *es. Подчеркнем, что слова этого типа склонения ни разу не написаны Домкой через -ѣмѣ/-ѣмѣ.

Среди 20 оставшихся примеров можно выделить еще одну группу слов, не относящихся к склонению на *es: *слоу/χομъ, страхо/мъ, дχομъ, страхоμъ, дχο/мъ*. В этих 5 случаях словоформы тв. п. ед. ч. заканчиваются на -χομъ. Для этих написаний можно предположить мнемотехническое правило — писать через -омъ/-омъ слова, в которых перед флексией идет буква χ¹. Действует это правило только для безтитловых написаний тв. п. ед. ч. существительных, основа которых заканчивается на -χ. Примеров тв. п. ед. ч. типа -χъмъ не зафиксировано. Это предположение помогает объяснить, почему в написаниях тв. п. ед. ч. *дχομъ* Домка непоследователен. С одной стороны, эта форма попадает в разряд слов с основой на -χ, но также она входит и в разряд титуловых написаний, для которых нетипично в первом почерке МЕ₁ написание флексии тв. п. ед. ч. в виде -омъ/-емъ (эта группа написаний рассматривается чуть ниже).

На фоне оставшихся 7 форм выделяется уже упомянутая *народомъ* (см. примеры выше, в п. 1): только в этой лексеме данное окончание встречается в рукописи также и в «двуеровом» написании. Возможно, форма была переосмыслена как дат. п. мн. ч. Приведем контекст, в котором она используется: *не можаχъ / бесѣдовати къ не/моу народомъ /* (Л. 94г 1–2; Лк 8: 19). Кроме того, что форма дат. п. мн. ч. от слова *народъ* встречается в евангелии чаще, чем форма тв. п. ед. ч., в этом контексте переосмыслению могло способствовать наличие глагола говорения (*бесѣдовати*). Форма дат. п. мн. ч. часто функционирует в контекстах с глаголом говорения, ср.: *начатъ исъ / глати народомъ* (Л. 41б 19; Мф 11: 7), *тѣгда / гла исъ народомъ /* (Л. 158б 13–14; Мф 23: 1).

Заметно неоднородное распределение тв. п. ед. ч. на -омъ/-омъ. К концу рукописи (после л. 150) количество лексем склонения *ō с данным вариантом написания флексии в тв. п. ед. ч. резко возрастает. Из не вошедших ни в одну из вышеназванных групп 14 словоформ в тв. п. ед. ч. 6 примеров расположены до л. 150 (*сѣ/исакомъ, днѣ/коломъ, пррко/мъ, прркомъ* (2 раза), *оплотомъ*) и 8 примеров — на л. 151–160 (*мүромъ, оуброу/сомъ, прркомъ, оплотомъ, пррко/мъ даниломъ, злато/мъ, прѣстоломъ*). Отметим, что среди них 5 раз отмечен тв. п. ед. ч. от слова *прркъ* и 2 раза — от слова *оплотъ*. Остальные лексемы встречаются в интересующей нас форме по 1 разу в тексте МЕ₁. Это несколько затрудняет их интерпретацию, формально их можно отнести к числу написаний, не испытывающих колебаний в оформлении флексии. При этом только 2 таких единичных формы отмечены до л. 151 и 4 — уже после. В этом можно видеть некоторую эволюцию орфографического принципа Домки: он отказывается группировать лексемы, которые следует писать в тв. п. с окончанием -омъ и начинает писать в такой орфографии лексемы, тв. п. от которых ранее не встречался. Последовательность лексического разграничения вариантов написания флексии тв. п. ед. ч. при этом выдерживается.

3. Окончание -ѣмъ в словах *jō-склонения зафиксировано 13 раз, вариант -ѣмъ — 2 раза, причем оба примера относятся к лексеме *корабль* (Л. 26г 11–12 и 70г 9), больше тв. п. ед. ч. от этой лексемы в МЕ₁ не встречается. Для разграничения написаний -ѣмъ/-ѣмъ, как видим, значимым оказывается лексический фактор. В группе написаний с -ѣмъ преобладают титуловые написания (10 из 13): 5 раз это форма *оцѣмъ* и 5 раз — *срдѣмъ*. Эти 2 словоформы встречаются и в более сокращенном написании (без первой буквы окончания) — 1 и 3 раза соответственно.

4. Окончание -емъ зафиксировано 23 раза, а вариант -емъ — 3 раза (из них 2 примера с -емъ и 1 — с -емъ относятся к существительным склонения *es, разобранным выше, в п. 2). Два написания с ѣ на конце (*сѣ соу/паремъ* (Л. 11в 6–7), *срдѣемъ* (Л. 130в 14)) выглядят

¹ Возможно, под влиянием графической аналогии с написанием флексии аориста 1 л. мн. ч.

отклонением от системы написаний Домки, но все же несколько отличаются типологически друг от друга. Если первая лексема (СОУПДРД) больше не встречается в форме тв. п. ед. ч. в тексте, то вторая (СРДЦЕ) встречается (см. п. 3), и, соответственно, написание выглядит более ярким отклонением.

Группа написаний с -ЕМД почти однородна. 20 из 21 примера — это формы тв. п. ед. ч. от существительных с основой на -j (типа КЛМЕНИМД). Слова этого разряда не имеют колебаний в оформлении флексии тв. п. ед. ч. Пример СХ ЗЕ/КЕД'КОМХ (Л. 16г 11–12) можно отнести к разряду слов с основой на -j, но в силу его написания с твердым вариантом окончания его следует рассматривать с написаниями п. 2 (см. выше).

Единственный оставшийся пример с -ЕМД — это форма СХ ЛОЖЕМД (Л. 81в 16). О лексикализации такого написания сложно судить, так как тв. п. ед. ч. от этой лексемы больше не зафиксирован. На фоне большей части написаний этот пример все же скорее относится к отклонениям от наблюдаемой орфографической системы.

5. Отдельно необходимо рассмотреть титловые написания (частично вошедшие в описанные выше разряды), поскольку, взятые в совокупности, они достаточно последовательно оформляются на письме Домкой. Первая буква флексии часто сокращается², и поэтому последовательность можно наблюдать прежде всего в написании редуцированного на конце. Из 52 отмеченных примеров 47 оканчиваются на -МД и 5 на -МХ. Таким образом, процент применения дублета с ером ниже, чем мы наблюдали в пп. 1 и 2. Кроме уже цитировавшихся ПР'РКОМХ (Л. 23г 3, 33г 18) и СРДЦЕМХ (Л. 130в 14) с -МХ пишутся также примеры ДХМХ (Л. 120г 10) и ПР'ДХ СНМХ (Л. 141а 17). Если словоформа ДХМХ чаще пишется как ДХ(Х)МД, то слово СНМХ больше не встретилось в форме тв. п. ед. ч.

Минимальная степень использования Домкой дублета с ером на конце в титловых написаниях встраивает почерк МЕ в общую тенденцию, описанную В. М. Марковым. По его наблюдениям, в Путятиной минее вариант с ером на конце также оказывается закрепленным за титловыми написаниями. В. М. Марков объясняет это так: «Очевидно, что, передавая сокращенные написания, писец был вынужден руководствоваться русским фонетическим обликом слова, перенося, в силу усвоенной привычки, в единичных написаниях обозначение конечного еря и на редкие примеры, где под титлом сохраняется конечное -ом-» [Марков, с. 216]. При этом, по его наблюдению, эта особенность актуальна и для более поздних памятников, например для Софийской минеи XIV в. [Марков, с. 222]. По данному параметру почерк Домки в МЕ может отражать ту же орфографическую традицию.

6. Рассмотренные в предыдущих пунктах примеры относились к словам, принадлежащим к древним склонениям на *es, *o и *i. Последовательность Домки в написании флексии тв. п. ед. ч. данных лексем более ярко видна при сопоставлении с данными для лексем, входивших исконно в другие типы склонения. Примеры слов древнего склонения на *es показывают, что для орфографической системы Домки этот параметр является существенным. Написание форм тв. п. ед. ч. (м. и ср. р.) склонений *en, *i и разносклоняемых в МЕ₁ подтверждает данное наблюдение.

Приведем наиболее многочисленные примеры для лексем древнего склонения *en. Зафиксировано 9 форм тв. п. ед. ч. лексем данной группы с окончанием -ДМХ: ИМЕНД/МХ (Л. 15б 7–8, 84в 12–13), ИМЕНДМХ (Л. 67в 7, 91б 17, 93б 5), ИМЕ/НДМХ (Л. 93а 12–13, 126в 3–4), И/МЕНДМХ (Л. 122в 20–21), ДНДМХ (Л. 126а 14). При этом 2 формы пишутся с ером на конце: ИМЕНД/МД (Л. 27г 11–12), ИМЕ/НДМД (Л. 108б 5–6). Как видим, набор вариантов (-ДМД/-ДМХ) — тот же самый, что мы наблюдали в п. 3, для лексем древнего

² По этой причине данные примеры не учитываются в итоговой таблице 1 (см. ниже).

склонения $*j\dot{o}$. Но соотношение двух вариантов написания флексии прямо противоположное: напомним, что для склонения $*j\dot{o}$ написания $-ьмѣ/-ьмѣ$ соотносятся как 13/2 (это 2 одинаковые формы КОРАБЛАМЪ), а для склонения $*ep$ — как 2/9. Это соотношение наглядно показывает, что вариант $-ьмѣ$ последовательно используется у Домки для оформления флексии тв. п. ед. ч. для $*ep$ -склонения. Приводимые ниже примеры из других склонений показывают, однако, что написание $-ьмѣ$ используется писцом шире и не ограничивается рамками склонения на $*ep$ или отдельной словоформы ИМЕНАМЪ , к которой относятся почти все приведенные на этот тип склонения примеры.

При рассмотрении примеров тв. п. ед. ч. слов других древних типов склонения ($*i$ и разносклоняемых) сделанный вывод можно уточнить. Приведем все отмеченные примеры тв. п. ед. ч. указанных склонений: прѣдѣ о/лтарьмѣ (Л. 116 22–23), надѣ оучителемѣ (Л. 18г 10–11), огньмѣ (Л. 23в 11, 34б 9, 124а 12), путьмѣ (Л. 28б 5, 101г 24, 155а 19), огньмѣ (Л. 82в 2–3), надѣ оучи/телемѣ (Л. 85г 1–2), олтарьмѣ (Л. 100б 10), прѣдѣ/гдѣмѣ (Л. 123б 4–5), олтарье/мѣ (Л. 159а 17–18), олтарьемѣ (Л. 159а 25–159б 1), надѣ болѣмѣ (Л. 160а 25). Из 15 примеров в 11 на конце пишется $ѣ$. При этом 4 случая с $ь$ на конце, по-видимому, обусловлены лексически. Три относятся к слову огнь (при 1 примере с $-ьмѣ$) и 1 — к слову гдѣ . Напротив, лексемы оучитель , путь , болѣ встретились только с $ѣ$ на конце. К ним в рамках орфографической системы МЕ примыкает также лексема олтарь . Она представлена в тв. п. ед. ч. тоже только с $ѣ$ на конце. Как было отмечено, слова исконного склонения на $*j\dot{o}$ редко представлены в МЕ₁ с $ѣ$ на конце. Поэтому можно предположить, что Домка воспринимал $-ьрѣ$ в данном слове как признак разносклоняемого слова (по аналогии с мѣтарь , цесарь). В связи с этим он применял к данной лексеме ту же орфографическую стратегию, что и к лексеме оучитель .

Приведенные примеры позволяют утверждать, что в своей орфографической системе Домка различает с помощью написаний $-ьмѣ/-ь(е)мѣ$ формы тв. п. ед. ч. разных типов древних склонений. Он пишет флексию с ерем на конце в существительных $*j\dot{o}$ -склонения (примешивая к ним 2 слова из $*i$ -склонения, огнь и гдѣ), а флексию с ером на конце он употребляет для слов других типов склонений, добавляя к ним, однако, из $*j\dot{o}$ -склонения лексемы корабль и соупрь (2 и 1 пример соответственно).

Как мы видим, не является случайной для этих 16 примеров и дистрибуция вариантов $-ьмѣ/-ьемѣ$. Второй вариант — с $е$ — в 2 примерах относится к лексеме оучитель и, очевидно, примыкающей к разносклоняемым лексеме олтарь . Хотя олтарь испытывает колебания $-ьмѣ/-ьемѣ$ в написании флексии (по 2 примера), а оучитель последовательно (насколько это можно сказать о 2 примерах) пишется с $-ьемѣ$.

На первый взгляд, выбор именно такого варианта ($-ьмѣ$) для нескольких типов склонения кажется не совсем понятным новшеством Домки. Но следует обратить внимание на то, что в данных типах склонения (исконных словах на $*ep$, $*i$) окончание дат. п. мн. ч. выглядит одинаково — $-ьмѣ$. Этот факт показывает, что новшество Домки, возможно, сконструировано по аналогии с системой написания «болгарских» окончаний. Учитывая, что в болгарских текстах (или в древнерусских списках XI в., копирующих болгарскую норму) для существительных м. и ср. р. склонения на $*\dot{o}/*j\dot{o}$ во многих случаях — при частом написании тв. п. ед. ч. с $ѣ$ на конце [Селищев, с. 300] — наблюдается флексия тв. п. ед. ч. = дат. п. мн. ч. ($-омѣ/-ьемѣ$), Домка применяет данный принцип к словам склонений на $*ep$, $*i$, синтезируя искусственное окончание $-ьмѣ$ в тв. п. ед. ч., совпадающее с дат. п. мн. ч. По тому же принципу Домка, очевидно, использует в тв. п. ед. ч. флексию $-ьемѣ$. Разносклоняемые существительные на $-ьрѣ$, $-ьтелѣ$ теоретически должны иметь в дат. п. мн. ч. ту же флексию, что и консонантные типы

склонения (то есть $-лмѣ$) [Иорданиди, Крысько, с. 44], но фактически уже в старославянских памятниках преобладает вариант $-емѣ$ [Вайан, с. 130–131]. А для древнерусского языка

А. А. Шахматов отмечает, что «от подобных основ на согласную $г, л$ сохранились только формы им. мн.» [Шахматов, с. 103]. Примеры из древнерусских памятников XI в., приводимые С. И. Иорданиди, показывают, что фактически в дат. п. мн. ч. существительные на $-дрѣ, -теплѣ$ имеют флексию $-емѣ$ [Иорданиди, Крысько, с. 47]. Поэтому использование Домкой варианта $-емѣ$ для оформления флексии тв. п. ед. ч. разносклоняемых существительных также, по всей видимости, опирается на южнославянскую книжную модель тв. п. ед. ч. = дат. п. мн. ч.

При последовательных написаниях флексии тв. п. ед. ч. с $-ѣ$ на конце нельзя обойти стороной вопрос об их возможной фонетической подоснове. По данным берестяных грамот, процесс отвердения конечного $[m']$, по словам А. А. Зализняка, «начался очень рано — не позднее конца XI в., а скорее всего ранее этого момента» [Зализняк, с. 78]. При этом до первой трети XII в. включительно имеется только 3 примера с конечным $ѣ$ после $[m]$. Основная масса написаний на $-мѣ$ появляется со второй трети XII в. [Зализняк, с. 78]. На фоне таких немногочисленных для начала XII в. свидетельств последовательное использование написания $-мѣ$ в тв. п. ед. ч. лишь определенных типов склонения (!) в почерке Домки в МЕ выглядит аномальным. При фонетической трактовке этих написаний придется предположить, что процесс отвердения $[m']$ в тв. п. ед. ч. происходил по-разному в разных типах склонения. Поэтому в данном случае, на наш взгляд, через призму орфографии просматривается морфологическая основа системы написаний Домки — фактор ассоциации флексий тв. п. ед. ч. и дат. п. мн. ч.

Для более наглядной демонстрации орфографической техники писца Домки в написании флексии тв. п. ед. ч. существительных разных типов склонения обобщим описанный материал в виде таблицы.

Таблица 1

Написания флексии тв. п. ед. ч. в МЕ₁

тип склонения	написание	количество правильных написаний	количество лексикализованных отклонений ³	количество не-лексикализованных отклонений
-ǫ/-ǔ	-ѣмѣ/-ѣмѣ	38/8	18	3
*-es > *-ǫ	-омѣ/-омѣ	8/2	0	0
*-es	-емѣ/-емѣ	2/1	0	0
*-jǫ	-лмѣ	13	4	1
*-jǫ (на j)	-емѣ	20	0	0
*-en	-лмѣ	9	0	2
*-ī	-лмѣ	5	1	3
разноскл.	-емѣ	4	0	2
Итого: 144		110 (76 %)	23 (16 %)	11 (8 %)

Отметим, что разграничение «правильных» написаний и лексикализованных отклонений введено для наглядности представления материала. С точки зрения орфографической системы Домки, оба эти разряда являются «правильными», и реальными отклонениями (то есть

³ В разряд «лексикализованных отклонений» включены также случаи, когда форма тв. п. ед. ч. от какой-либо лексемы зафиксирована в тексте Домки только 1 раз. Для удобства представления материала эти случаи объединены в таблице с лексикализованными написаниями, хотя правильнее было бы считать их неопределенными относительно лексикализации отклонениями. Значимость для Домки лексического фактора при выборе варианта написания флексии тв. п. ед. ч. все же несколько оправдывает их включение в число лексикализованных употреблений.

нарушениями правил распределения графических дублетов) остаются только 8 % всех примеров. Потенциальными отклонениями от орфографической системы писца также можно считать единичные примеры тв. п. ед. ч. от отдельных лексем (условно включенных в таблице в число лексикализованных отклонений).

В то же время преобладание «правильных» написаний, соответствующих древнему распределению существительных по типам склонения (76%), показывает, что именно от этого параметра писец отталкивался, создавая систему дистрибуции вариантов написания флексии тв. п. ед. ч. При раннем смещении древних типов склонения в древнерусском языке ориентация на данный параметр может служить свидетельством относительно раннего создания рукописи, когда процесс смещения древних типов склонения только начинался и их различие помогало писцу разграничивать дублетные написания окончаний тв. п. ед. ч. Таким образом, орфография в данном случае является непосредственным отражением реального морфологического параметра, несомненно, актуального для писца.

Поскольку ведущую роль в орфографической системе Домки играют «двуеровые» окончания, а флексии *-омъ/-омѣ/-емѣ* обслуживают немногочисленные группы лексики, ее возникновение в первой половине XII в. представляется нам более правдоподобным, чем в позднейший период.

Сопоставляя систему написаний флексии тв. п. ед. ч. «раннего» и «позднего» Домки, мы видим, что она меняется в сторону большей упорядоченности. Варианты, находившиеся в орфографической системе миней в отношении свободного варьирования (с «русским» вариантом, предпочтительным во всех позициях, а «болгарским» — как дополнительным маркером книжности), в системе МЕ вступают в отношения дополнительной дистрибуции.

Писец Домка находит достаточно твердую языковую привязку, позволяющую ему упорядочить систему написаний. Варианты *-омъ/-омѣ* он закрепляет за существительными исконного склонения на **es*, вариант *-емѣ* — за разносклоняемыми существительными, а варианты *-ѣмъ/-ѣмѣ/-ѣмѣ* — за существительными склонений на **ǫ/*jǫ/*jь*. Кроме того, опираясь на факт омонимичности «болгарских» окончаний тв. п. ед. ч. и дат. п. мн. ч., Домка изобретает квази-«болгарское» написание тв. п. ед. ч. *-ѣмѣ* для тех типов склонения, в которых оно оказывается омонимичным дат. п. мн. ч.

Некоторые из групп написаний (ср. группу слов на *-ѣомъ*) носят очевидный мнемотехнический характер и показывают, что наряду с основным принципом написания флексии тв. п. ед. ч. (ориентация на тип склонения) Домка в отдельных случаях мог пользоваться и дополнительными правилами. Предполагать различие звучания флексии в паре типа *кѣрѣтъ ѣмѣ/сѣрѣѣѣомъ* вряд ли возможно. Но и другие оппозиции написаний, свойственные системе написаний Домки (ср. *мѣслѣмѣ/тѣломѣ, сѣрѣѣѣѣмѣ/дѣнѣмѣ*), также, по всей видимости, передают в каждой паре одинаковое звучание. Разница в написании, по всей видимости, обусловлена только морфологическим фактором: омофоничные флексии тв. п. ед. ч. являются частью противопоставленных в речи Домки парадигм склонения. Отчетливо это прослеживается при сопоставительном рассмотрении написаний флексии тв. п. ед. ч. в минеях конца XI в. и в МЕ. Спорадичность употребления графических дублетов в минеях сводится до минимума в МЕ. Его Домка переписывал, уже обладая значительным опытом книжного письма, а следовательно, овладев навыками книжной орфографии, культивирующей графические дублеты.

Литература

- Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Живов В. М. Норма, вариативность и орфографические правила в восточнославянском правописании XI–XIII века // Живов В. М. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006. С. 9–75.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Иорданиди С. И., Крысько В. Б. Историческая грамматика древнерусского языка. М., 2000. Том I. Множественное число именного склонения.
- Комарович В. Л. Язык Октябрьской Минеи 1096 г. // ИОРЯС. Л., 1926. Т. XXX. 1925. С. 23–44.
- Корнеева-Петрулан М. Язык Служебной Минеи 1095 г. (редакция Н. Н. Дурново) // Русский филологический вестник. М., 1916. Т. LXXV. С. 1–42.
- Марков В. М. Из истории форм творительного падежа единственного числа существительных мужского и среднего рода // Вопросы теории и вузовского преподавания русского языка. Уч. зап. Горьковского гос. ун-та. Серия лингвистическая. 1964. Вып. 68. С. 207–224.
- Обнорский С. П. Исследование о языке Минеи за 1097 г. Л., 1924.
- Осипов Б. И. Милятино евангелие: датировка, графика, орфография, пунктуация // Фонетика и письмо. Устинов, 1986. С. 145–158.
- Селищев А. М. Старославянский язык. М., 1951. Часть I: Введение. Фонетика.
- Уханова Е. В. О становлении новгородского книгописания в XI – начале XII в. // Хризограф. М., 2009. Вып. 3. Средневековые книжные центры: местные традиции и межрегиональные связи. Труды международной научной конференции. Москва. 5–7 сентября 2005 г. С. 204–237.
- Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.
- Ягич И. В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. СПб., 1886.
- Янин В. Л. Новгородский скрипторий рубежа XI–XII вв. — Лазарев монастырь // АЕ за 1981 г. М., 1982. С. 52–63.